

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Р35

Дизайн серии А. Харитоновой
Художественное оформление А. Рысухиной

Рейн, Сабина.

Р35 Оттенки моего безумия / Сабина Рейн. — Москва :
Эксмо, 2020. — 480 с.

ISBN 978-5-04-114091-5

Je préfère mourir dans tes bras que de vivre sans toi — лучше умереть у тебя в объятиях, чем жить без тебя.

После окончания школы Хейли Фейз поступает в Нью-Йоркский университет. Учеба для нее всегда стояла на первом месте, но после знакомства с парнями из «братства» в девушке просыпается желание оторваться, почувствовать всю прелесть свободы и безбашенных университетских тусовок. Но может ли она слепо доверять парням? Особенно тому, с кем знакома еще со школы и в которого много лет была влюблена? Мрачный, отталкивающий и вместе с тем безумно притягательный Блейн Телтфорд. Устоять или сдаться?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-114091-5

© Рейн С., 2020
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2020

Оттенок первый

Хейли

Он сидит напротив, разговаривает с Ланой.

Я хочу, чтобы он ушел, меня смущает его присутствие. Но уйти почему-то должна я.

Каждый четверг один парень из братства приходит к моей соседке, чтобы неплохо провести с ней время. Я покидаю общежитие ровно в шесть вечера и гуляю по городу до десяти. Мне это не нравится, но я настолько слабохарактерная, что не могу возразить. Как бы сильно меня ни раздражало происходящее, я обязана молча встать и удалиться.

Вот и сейчас я жду, когда стукнет ровно шесть. Мне не важно, что осталась всего одна минута: я уйду только тогда, когда стрелки часов достигнут нужной цифры, ни секундой раньше.

Не спеша убрав книгу в тумбочку, я встаю и направляюсь к шкафу. Они следят за каждым моим движением: ждут, когда я наконец-то ретируюсь и оставляю их наедине.

Блейн Телтфорд, парень, который приходит к Лане, учился со мной в одной школе. Скажу больше: я была в него влюблена. Увидев его в университете, я сильно удивилась. Он был лучшим учеником, и ничто не мешало ему поступить, скажем, в Гарвард. Что же

случилось, что он поступил именно в Нью-Йоркский университет?..

Я переодеваюсь в ванной и выхожу. Прежде чем хлопнуть входной дверью, поворачиваюсь к Лане и говорю, зная, что Блейн не понимает по-французски:

— J'en ai marre de partir chaque fois qu'il vient!¹ — После чего исчезаю.

Проходя мимо ресепшена, улыбаюсь даме за стойкой и получаю в ответ взаимную улыбку. Мне хочется спросить у нее, почему она пускает Блейна в женское общежитие. Лана никогда его не встречает, только открывает для него дверь нашей комнаты и посылает мне многозначительные взгляды в жанре «проваливай».

Мы с соседкой никогда не были близкими подругами, но мне, как человеку, мечтающему заниматься серьезными исследованиями, удалось узнать ее слабости и некоторые тайны. Если возникнет необходимость, я смогу использовать эту информацию.

Однако сейчас не об этом. А о том, что я больше не собираюсь уходить. Мне тоже хочется отдохнуть вечером, поваляться на своей кровати! Блейн ходит к Лане уже достаточно долгое время, и, если честно, я без понятия, на сколько еще хватит моего терпения. Уверена, что наступит момент, когда я разозлюсь, сложу руки на груди и твердо скажу «нет». Пусть ищут себе другое место для развлечений.

Эти двое ведь даже не встречаются. Мне непонятно, почему Лана позволяет свободно пользоваться своим телом. По правде говоря, ветреной ее назвать нельзя, потому что в нашей комнате за все время не было ни одного другого парня, кроме Блейна. Я пы-

¹ Мне надоело уходить каждый раз, когда он приходит! (фр.)

талась однажды узнать, почему она так небрежно относится к себе, но в ответ Лана просто махнула рукой и сказала, что вольна поступать, как хочет.

Покинув общежитие, я направляюсь к парковке. Нахожу свою машину, падаю на водительское сиденье и уже собираюсь выехать, как вдруг по капоту ударяет ладонями взявшийся из ниоткуда Зак, позади него маячит Рамона.

Вот этих двоих я с уверенностью могу назвать своими лучшими друзьями. Мы знакомы со школы. Много лет мы мечтали стать хорошими детективами, но, когда Зак и Рамона узнали о смерти моего отца и о том, что я обязана поступить в местный университет, расположенный рядом с домом матери, которая сходит с ума и нуждается в уходе, они, как самые настоящие друзья, поступили в Нью-Йоркский университет вместе со мной.

Ребята всегда подбадривают меня, даже когда я не нуждаюсь в какой-то особой поддержке. Я благодарна вселенной за них. Мы стали настоящей семьей, и я надеюсь, останемся ею до конца нашей жизни.

Думаю, мы отличаемся от большинства сверстников. У каждого из нас есть шрамы на сердце. Каждый потерял одного или даже обоих родителей, нам знакомо состояние меланхолии. Тогда как обычно это слово употребляют люди, которые не имеют ни малейшего понятия о том, что оно значит на самом деле. Меланхолия — это страшно. И порой она длится всю жизнь.

Помахав мне, Зак и Рамона запрыгивают в автомобиль. Парень садится впереди — он никогда никому не уступает место рядом с водителем.

— Снова Лана? — спрашивает Рамона, придвинувшись к нам с заднего сиденья.

Я киваю:

— Снова.

— Тебе пора что-то с этим сделать. Мне бы на твоём месте все это уже осточертело, — раздаётся голос Зака.

Заверив их, что собираюсь поговорить с Ланой в ближайшее время, я выезжаю с парковки и направляюсь в сторону нашей любимой забегаловки «Сахар»: там проводят свободное время почти все студенты.

По правде говоря, до нее можно дойти и пешком, буквально за пятнадцать минут, но плохая погода не оставляет выбора и заставляет тратить и без того дорогой бензин на двухминутную поездку.

Оказавшись на месте, я паркуюсь, но не спешу выходить из автомобиля, вместо этого сижу внутри, косо поглядывая на кафе.

— Вам не кажется, что мы бываем здесь слишком часто? — озвучивает мои мысли Зак.

— Ты тоже это заметил? — ухмыляюсь я. — Мне кажется, наступило то самое время, когда пора сменить обстановку.

— К сожалению, я не знаю никаких топовых мест поблизости, — пожимает плечами Рамона.

— Зато я знаю, — говорю я, думая об открывшемся в прошлом году ресторане-баре, который быстро приобрел популярность среди молодежи.

Совсем скоро мы останавливаемся возле местечка, которое с недавнего времени стали называть «Тенями» из-за мрачной обстановки. В местном баре разрешалось пить тем, кому еще не исполнилось двадцати одного, и выкрикивать нецензурные слова настолько громко, насколько этого хотелось клиенту.

В ресторане же, напротив, света было больше и люди культурнее. К сожалению, противники грубых фраз вынуждены выслушивать это только потому, что в «Тенях» подают самые вкусные блюда во всем квартале.

В основном сюда приходят те, кому еще нет двадцати пяти. И несмотря на то что здесь располагается ресторан, это место можно было назвать одним большим клубом, который днем пребывает в спокойствии, а ночью наполняется самой испорченной молодежью Нью-Йорка.

Мы выбрали столик рядом с баром, и к нам тут же подбежал официант. Сделав заказ, я подняла глаза и заметила, с каким интересом рассматривают это место мои друзья.

Зак и Рамона всегда сканируют и изучают все, что их окружает. Они могут дать любому месту, да и человеку, оценку. С первого раза оба способны сказать, опасно место или человек или нет. Настоящие детективы, ничего не скажешь.

— Впрочем, удовлетворительно, — произносит Рамона, повернувшись ко мне. — Безопасно.

— Но только не ночью, — замечает Зак, оглядываясь на толпу парней, гогочущих у стойки.

Зак мог бы вписаться в их компанию. Внешне он ничуть не походил на приличного мальчика. У него большая татуировка от запястья и до изгиба локтя, а в ушах две черные серьги-пуговицы среднего размера. Когда-то давно он хотел проколоть бровь и нос, но мы с Рамоной вовремя его остановили, потому что ни я, ни она не любим обилие железа, особенно на лице, да и делать пирсинг в брови опасно. А если мастер будет неосторожен?

— Эй, это парень, с которым ты общалась на первом курсе? — прищурившись, говорит Рамона, продолжая всматриваться в толпу ребят.

Взглянув туда же, ощущаю, как щеки вмиг заливаются краской.

Возле стойки возвышается Дез Вайлчман, один из «братьев». Когда я поступила в университет, он был

первым, кто обратил на меня внимание. Мы хорошо общались, но со временем Дез начал меняться, постепенно превращаясь в «плохиша». Как по мне, так виноваты в этом Доминик Даниэль Крамберг и Джаред Блеф. Они приняли его в дом братства и испортили, вливая в него алкоголь на вечеринках и подсовывая новую девушку почти каждый вечер. Парень вошел во вкус и пропал. Я перестала его интересоваться. Отчетливо помню тот день, когда Дез сказал мне это прямо в лицо, даже не пытаюсь смягчить правду. Было обидно, потому что я успела привыкнуть к нему. Но я рада, что все не зашло слишком далеко, ведь Дез хорош собой, несмотря на множество дефектов. Например, однажды мне удалось рассмотреть шрам на его спине, тот тянулся от самой поясницы до шеи. Когда-то давно Дез ввязался в драку, и его поцарапали осколком. Он успел потерять много крови, прежде чем ему оказали первую помощь. Но к счастью, Дез жив, а это, как по мне, важнее всего.

— Вы не здороваетесь? — интересуется Зак, в ответ я качаю головой.

— Он даже не смотрит в мою сторону.

— Жаль, хороший был парень. Я надеялся, что он однажды будет тусоваться с нами, а не с этими «братишками».

— Блейн же тоже входит в их ряды? — неожиданно интересуется Рамона.

— А что? — смотрю на нее я.

Пожав плечами, она спокойно отвечает:

— Просто спросила. Они меня немного раздражают, ведут себя как короли, где бы ни находились.

— Я бы так не сказала. Может, «братья» и хулиганы, но они знают меру

— Ты защищаешь их? — сверкнув изумрудными глазами, уточняет подруга.

— Да брось!

К счастью, в эту секунду к нам подошел официант, и мы переключились на еду, которая оказалась невероятно вкусной. Стараясь оставаться незамеченной, я продолжала поглядывать на ребят за стойкой. Мне нравится за ними наблюдать, потому что они кажутся... другими. Не такими, как все.

Что-то в них было особенным, но не ясно, что именно. Они не особо популярны в университете, но привлекают внимание всех девчонок на вечеринках. Они не суперкрасавчики, но весьма харизматичны. У них много изъянов во внешности, но каждый дефект по-своему симпатичен. Никто из них не ведет себя как выскочка, но многим кажется, что они чересчур сильно хвастаются. Они нравятся многим лишь по той причине, что остаются сами собой вне зависимости от того, где находятся и с кем общаются. Членов в братстве достаточно, но именно Доминик, Джаред и Дез с Блейном всегда и всюду в центре внимания.

Поедая лапшу, я вижу, как Дез поднимает стакан, чокается с друзьями, что-то говорит, из-за чего все впадают в безудержный смех, а потом пьют.

Иногда мне и самой хочется поучаствовать в подобном веселье. Если бы не мать, которой я стараюсь уделять все свободное время, возможно, я уже давно пустилась бы во все тяжкие.

Мне, как и любому нормальному человеку, хочется развлекаться и проводить свою молодость на вечеринках, среди крутой компании. Но, к сожалению, у судьбы было для меня нечто более интересное: валить из комнаты ровно в шесть и кормить маму с ложки.

— Ты пьялишься, — говорит мне Рамона.

Вздрогнув от неожиданности, я оборачиваюсь на нее:

— Вовсе нет!

— Пялишься, еще как пялишься, — поддерживает Рамону Зак, ковыряясь вилкой в тарелке.

— Не надо, Хейли.

— Что не надо?

— Я знаю этот взгляд. Ты хочешь быть среди них, но оно того не стоит, поверь мне. Подобный образ жизни быстро надоедает, и вскоре наступает время, когда хочется спокойствия, а с такой компанией его так просто не получить, поверь.

— Так говоришь, будто испытала это на своей шкуре, — забывшись, произношу я и тут же жалею о своих словах.

У Рамоны погибла вся семья в автокатастрофе, из-за чего ей пришлось жить с бабушкой, до того как она поступила в университет. После смерти родных она пошла по наклонной. Отказалась от нашей с Заком компании и сблизилась с психом, каждый день употребляющим травку и прочую дребедень.

Мы с Заком пытались направить подругу в правильное русло, но получилось не сразу. Она не собиралась признавать нас как друзей, вместо этого грубила и покрывала грязными ругательствами. Мы уже практически сдались, как вдруг Рамона сама пришла к нам и попросила прощения.

Когда Рамона рассказала, что делала компания, с которой она проводила время, мы впали в полнейший шок. Неудивительно, что в какой-то момент Рамоне стало страшно, и она решила уйти, пока не поздно. Те ребята качали друг друга наркотиками из шприца, занимались непристойностями прямо на улице и нарушали общественный порядок. На следующий день после возвращения Рамоны ее приятелей обвинили в убийстве, а через какое-то время посадили на долгий срок.

— Прости, — говорю я с полной искренностью, но Рамона в ответ просто кивает, продолжая смотреть в тарелку. — Я не хотела тебя обидеть, правда.

— Я понимаю, все нормально. Такое случается, когда говорят, не подумав.

Хоть Рамона и посмотрела на меня, подняв голову, чувство вины меня не покинуло. Я слишком часто говорю что-то обидное или случайно вспоминаю то, что причиняет окружающим боль.

— Прости, — снова говорю я, поджав губы.

— О, Боже, перестань извиняться, все хорошо.

— Мне надо в туалет. — Положив использованную салфетку рядом с тарелкой, я поднимаюсь и, взяв телефон, ухожу.

Туалет, к счастью, пуст. Подойдя к зеркалу, я смо-
тру на отражение и пытаюсь убить себя взглядом. Каждый раз, когда я расстраиваю чем-то друзей, мне становится стыдно и внутри вспыхивает желание убе-
жать на какое-то время.

Я пытаюсь быть хорошим другом, потому что меня постоянно посещает чувство, будто если я скажу что-
либо невпопад, то они оставят меня, посчитав идиот-
кой. Конечно же, подобного не случится, потому что мы слишком дороги друг другу, и если кто-то уйдет из нашей маленькой банды, то она распадётся пол-
ностью.

У нас троих был один маленький секрет. Каждое воскресенье мы надеваем черные перчатки без паль-
цев, закрываем платками нижнюю часть лица и идем к главному зданию той части Нью-Йорка, в которой живем. Каждый берет по рюкзаку, в котором лежат баллончики с краской, выбирает определенную часть стены и разрисовывает её.

Мы не хулиганим, а просто хотим внести красок в окружающий мир. Зак, я и Рамона являемся пусть

и меланхоличными, но яркими личностями, и нам не нравится жить среди серых скучных зданий.

Пару раз нас показывали в новостях. Именно поэтому мы и прячем лица. Нам хочется внести яркости, но мы не желаем быть раскрытыми.

Неожиданно открывается дверь, и на пороге появляется Дез. Отлично.

— Это женский туалет, — говорю я, глядя на него через зеркало.

— Правда? — саркастично отвечает парень. — Знаешь, прежде чем пялиться на других, научись хотя бы делать это незаметно.

— Я не пялилась на тебя, — вру я.

— Лжешь, — догадывается он. — Я не против, чтобы ты смотрела на меня, но, когда это происходит беспрерывно... надоедает, знаешь ли.

С каждым месяцем Дез становится все грубее и грубее. Я поняла, что скоро в нем не останется и следа от того мальчика, которого я встретила в начале учебы. Хотя мы и не общаемся, легче от этого не становится.

— Ты пришел сюда лишь для того, чтобы мне это сказать? — стараюсь сделать свой тон как можно более бесстрастным, спрашиваю я.

Оттолкнувшись от косяка, он закрывает дверь, заглушая тихую музыку из бара, и проходит вперед. Остановившись рядом со мной, Дез включает кран и, смотря на свое отражение, моет руки. Я наблюдаю за ним, пытаюсь понять: какого черта он творит.

— Это женский туалет, — снова напоминаю я.

— Но заметь, кроме тебя, здесь никого нет, — бросив на меня взгляд через зеркало, незамедлительно отвечает он.

— Но это не значит, что сюда не могут зайти в любой момент.

— Как у тебя дела? — вдруг меняет тему Дез.

Сначала я хочу сказать, чтобы он убирался, но после понимаю, что у меня не хватит воли это произнести, потому что, как бы то ни было, я все-таки соскучилась по его компании.

Вместо того чтобы крикнуть на парня, я спокойно отвечаю:

— Нормально.

— Приходи на вечеринку в субботу.

— Нет.

— Нет?

— У меня много дел.

И все эти дела связаны с матерью.

— Каких? — не отстает Дез.

Он ничего не знает о моей маме, ему лишь известно, что я осталась без отца.

О том, что мой единственный родитель сходит с ума, знают только очень близкие люди. Это большая тайна, о которой не следует трепаться на каждом углу.

Ответив Дезу, что мои дела его не касаются, я поворачиваюсь к выходу. Неожиданно он ловит меня за запястье и говорит, что если я все-таки передумаю, то могу прийти.

Ничего не ответив, выдергиваю руку и выхожу. Как бы сильно мне ни хотелось побывать хоть раз на вечеринке, забота о матери важнее.

Вернувшись к друзьям, я ловлю их вопросительные взгляды. Соврав, будто звонила Лане, чтобы предупредить о том, что задержусь, я сажусь и доедаю то, что было на тарелке.

— У меня есть идея для воскресенья, — отодвинув тарелку и поставив локти на стол, произносит Зак. Мы с Рамоной тут же смотрим на него. — Осталось совсем чуть-чуть, и рисунок на здании будет закончен, если нас, конечно, не поймают копы. Так вот, что если мы раскрасим клуб «Ошибка»?